РАДОСТНО ЖИТЬ, РАДОСТНО ТВОРИТЬ!

ГЛУБОКОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ

М. А. Дурасова в роли графини Лидии Ивановны.

РАДУЕМСЯ ВМЕСТЕ С ВАМИ

Личный состав подшефных московских курсов усовершенствования лектостата РКБА имени В. И. Ленина поздравляет своего культурного шефа — коллектив театра — с высокой наградой правительства Союза ССР за выдающиеся успехи в области театрального художественного творчества.

Радуясь вместе с вами тем успехам, которые имеет театр, мы уверены, что коллектив театра, вооруженный наградой, еще более упорно и настойчиво будет бороться за дальнейшие победы.

Желаем вам успехов.

Начальник и комиссар курсов полковник ЧЕСТОХВАЛОВ

Е. А. Алеева в роли Доллы Обрежевой.

Прошли все генеральные, прошла премьера.

Вместе с чувством радости и удовлетворения от того, что эта огромная работа вылилась в такой спектакль, который захватывает и рождает глубокие мысли, живет чувство сожаления, что эта работа окончена, что напряжение всех сил, которое превращало внешнее в творчество, ушло и как бы туго завинченную пружину, прошло. И где-то внутри вспыхивает мысль, что вот уже ты как будто больше для спектакля и не нужен.

Это сожаление об окончании работы над «Анной Карениной» все крепнет потому, что не всегда бывают такие долгие творческие периоды, когда бы напряженный труд и всяческие заботы и волнения превращались в чувство глубокого удовлетворения и радости. Это происходило прежде всего от того, что решительно все участники в работе над этим спектаклем с сознанием огромной ответственности и очень серьезно относились ко всему тому, что они делали. Смысл толстовского романа, темы жизни, вопрос о человеке, человеческой личности, обществе, долге, совести и любви, заключенные в этом романе, были глубоко пережиты всеми участниками этой работы.

Не хочется еще сейчас пересказывать и описывать весь сложный путь этой работы, перелистывая репетиционный дневник и свои заметки.

Я сразу как-то и не найду слов, чтобы передать те глубокие впечатления и наблюдения, которые я получил во время работы над ролями с А. К. Тарасовой, Н. П. Хмелевым и М. И. Прудниным и которые сохранятся у меня на всю жизнь. Мне удалось быть свидетелем рождения и развития в них сложных творческих актов актерского искусства. Мы вместе в атмосфере большой дружественности очень осторожно работали над каждым куском и кусочком того материала, который позволял им жить в себе толстовские образы.

Я в первую очередь упоминаю об этих трех главных лицах спектакля, по желанию, что так же ясно, как Тарасова, Хмелев и Прудкин, вспомнят эти полные внимания и творческой сосредоточенности репетиции В. А. Алеева, В. И. Станицын, Е. Н. Морес и А. О. Станкова.

И, наконец, вероятно так же, как и у меня, долго не изгладится из памяти поиски всяческих поступков и способов к тому, чтобы стать живыми, хотеть действовать так, как это описано у Толстого применительно к ним нарисованным образам, у Б. Я. Петкера и М. А. Дурасовой.

Не могу не сказать, как охотно и какой всегда творчески освежающей меня заряжкой и работой и без трудные репетиции народных сцен со всей молодежью театра; сколько изобретательности, жизнерадостности во всем этом спектакле, должны понять и оценить работники всех цехов, большую театральную культуру и просто прекрасное понимание всего замысла спектакля со стороны постановочной части, начиная с ее руководителей И. Я. Гренкельского и В. В. Шверубовича и кончая молодыми и немолодыми работниками всех цехов, занятых по этому спектаклю.

Во всей этой работе мне действительно помогал и в сложнейших занятиях с исполнителями и с постановочной частью П. В. Лесли; он был и есть тот помощник и ассистент, которому можно доверить спектакль. И искренно помогал в работе и М. М. Хаенко.

Приход в работу над «Анной Карениной» Владимира Ивановича потребовал всей собранности от участников создания спектакля. Последние два с половиной месяца напряженнейшей работы с Владимиром Ивановичем заставили всех чутких и нужных театру людей ясно понять, какое значение может иметь для спектакля умение черпать нужные краски, силы и мысли из такого источника театральной культуры, что эпилепсия, каким является Владимир Иванович. От этого умения «черпать» спектакль приобретает своего рода удельный вес.

Образ Анны, в нежный и трагический, а вместе с тем сп, как молния, прорезающая черную бурную ночь. Роман как-то так написан, что образ Анны, таким, как я его назвал, нежным и трагическим, выясняется, становится близким, раскрывающим самые недра жизни потому, что окружен правильной до предела суетой и черной жизнью, мелким и крупным, смешным и печальным, житейски полным и высокими подвигами душ.

Это все воплощено Толстым в образах осужденного им света, двора, лицемерного чиновничества с одной стороны, а, с другой, в глазах, рисующих Сережу, Анну, двух трагически столкнувшихся и любивших ее мужчин и целую галлерею незаметных людей; из этих глаз осякий: и человек культуры, и человек простой сердцем воспринят мудрость Толстого — художника, великого реалиста.

И все это делается достоянием сцены, театра, где актеры, художник и режиссура создают спектакль средствами иного великого искусства — сценического искусства.

И когда видишь, чувствуешь и знаешь, что так думали и думают, чувствовали и чувствуют все создатели спектакля, сердце наполняется настоящей радостью и гордостью за театр, в котором работаешь.

Народная артистка республики орденоносец А. ЯБЛОЧКИНА.

«Анна Каренина». Сцена «спячки».

СПАСИБО ТЕАТРУ

Спасибо Художественному театру за громадное наслаждение, которое я вынесла от спектакля «Анна Каренина».

То, что дано — исключительно по художественному реализму, по глубине переживаний, по благородству, культурности постановки всей пьесы.

Меня особенно пленила Тарасова. Не скажу, что она сразу захватила меня. Когда открылся занавес и я увидела артистку, я не сразу узнала тот образ, который уже был в моей душе, но чем больше она раскрывала перед мной всю глубину переживаний, страданий женской души, всю сложность психики, данной Л. Н. Толстым, тем ближе и дороже она становилась мне с каждой новой сценой. Я восхищалась ею горящей, трепещущей от страсти, замученной условностями и запеленаем окружающей ее жизнью, протестующей и мечтающей своею смертью за разбитую жизнь и бесправное рабство женщины. И все это передано с необыкновенным женским обаянием, без фальши, просто, глубоко, трогательно, без крикуна. Чудесная артистка.

Хмелев — Каренин — исключительно интересен, я таких знала, видела... он показывает своим мертвящим взглядом, своей корректностью. Холодная форма, машина, которая тебя вот-вот задавит. Я его с первого взгляда возненавидела и очень обрадовалась, когда в этой машине увидела человеческое лицо и человеческую слабость в сцене умирания Анны. Тонкий, многогранный артист, который растет с каждым новым образом.

Прудкин выпала трудненькая задача — воплотить Вронского. Он ее преодолевает с большим достоинством, видна громадная работа, многое найдено очень удачно, но самая суть артиста не вполне в образе Вронского.

Весь спектакль, как почти все в Художественном театре, порадает своей стройностью, заботой, чтоб все компоненты спектакля помогали, а не заслоняли артиста. Всего дано в меру, с тонким знанием эпохи, все солидно, красиво подобрано и дает верную картину того времени. Все вместе радует взор, удовлетворяет эстетическое чувство и на минуту не отвлекает от актера.

Просмотрев пьесу, взывлашь полной грудью от сознания, что жизнь, которая только что прошла перед тобою на сцене, уже позади и что мы,— женщины Советской Страны, — свободны в своей любви и можем сами набирать свой путь, строить свою жизнь по своей воле, без всяких оцек.

Народная артистка республики орденоносец А. ЯБЛОЧКИНА.

А. С. Степанова в роли княгини Betsy Тверской.

ЗАСЛУЖЕННАЯ НАГРАДА

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Актив Государственного Академического Большого театра Союза ССР, обсуждающий задачи театра на основе решений февральского пленума ЦК ВКП(б), с огромной радостью узнал о постановлении правительства — наградить МХАТ им. Горького орденом Ленина за выдающиеся успехи в области театрально-художественного творчества.

В этом постановлении, в этой высокой оценке мы видим еще одно подтверждение большого внимания, которое проявляет партия и правительство к советскому искусству.

Вполне заслуженная вами награда свидетельствует о неиссякаемости сокровищницы талантов, которой является МХАТ им. Горького. «Анной Карениной», восторженно принятой всей советской общественностью, вы, товарищи, внесли новую блестящую страницу в историю театра, историю советского искусства и творчески подняли себя на небывалую до сих пор высоту.

В постановлении правительства мы также находим для себя громадный стимул к нашей дальнейшей творческой работе, к выполнению наших задач, которые стоят перед театром.

Горячий привет коллективу Ордена Ленина Московского Художественного Академического театра Союза ССР им. Горького!

От всей души поздравляем вас с великой наградой, с новым успехом и желаем вам безостановочно двигаться к новым вершинам социалистического искусства.

Да здравствует советское искусство, большое искусство социалистического реализма!

Да здравствует наша Всеобщая коммунистическая партия!

Да здравствует наше советское правительство! Да здравствует наш любимый, гениальный вождь, лучший друг работников искусств — товарищ Сталин! **ПРЕЗИДИУМ СОБРАНИЯ.**

Н. Хмелев

ПРАЗДНИК ТЕАТРА

В радостные, волнительные дни награждения Художественного театра высшим правительством орденом Ленина, которые совпали с рождением знаменательного спектакля в истории Художественного театра — «Анны Карениной», прежде всего хочется сказать искренние слова благодарности партии и правительству за то огромное доверие, заботу и внимание, которыми окружен коллектив театра. Актер Художественного театра, обычно сетует на [illegible] «товарищи» по работе, почувствовал правду в социальную силу звучания спектакля «Каренина», со всей полнотой своих артистических чувств поддержал энергию всего коллектива участников спектакля. Некоторых, бредивших прежде по театру скучно и безрадостно в дни «генеральных», в дни премьерного представления «Анны» всколыхнули усиленные творческие страсти, стремления и чаяния. Забурлила радость, желание еще лучше работать, учиться, творить, создавать все новые и новые художественные образы.

Вся основная предварительная творческая работа над спектаклем «Анна Каренина» протекала [illegible] строго и серьезно в стенах филиала под творческим руководством В. Г. Сахновского, который своими качествами прекрасного человека и художника сумел объединить весь коллектив «Карениной».

С таким занятным знанием гениального толстовского творения поможет В. Г. к осуществлению плана работ над «Анной». С какой любовью, большой вдумчивой он вычел монументальные толстовские образы шедевра мировой литературы. Шаг за шагом, анализируя свой путь художника, не отбрасывая ни одного замечания, ни одного пожелания, Сахновский учился, уча нас. Поставил постепенно невеломые ему ранее глубины психологических текстов [illegible] школы. Скромно и волнительно прислушивались к каждому, он находил все более верные ключи к раскрытию трудненьких образов романа Толстого. Я уверен, что мои товарищи по работе согласуют о всех перипетиях работы В. Г. Сахновского. Можно и должно сказать, что если **В. Г. Сахновский получил многое от этого спектакля, то и мы все, участники спектакля, получили многое от него.**

В работу по «Анне» Вл. И. Немирович-Данченко вошел, когда весь спектакль был уже перенесен на сцену и только жал Владимиру Ивановичу, чтобы проверить, углубить и отточить найденное в работе.

Просмотрев в дни репетиции спектакль, Вл. И. Немирович-Данченко перенес работу с актером в фойе и постепенно, при ближайшем участии В. Г. Сахновского, добирался до самых скрытых двигателей мышления образа, Ла, это подлинный владеет сценических богатств для актера и режиссера. Мы все прошли школу актерского мастерства у замечательного художника нашего времени, у учителя «нашего человека на сцене». Но сколько еще впереди неизведанного, что надо постигнуть. Удивительно тонко подмеченный, почти неуловимый на первый взгляд штрих открывал простор новых ощущений, мировоззрения образа. Вернон в психологическом рисунке роли, правильно угадывое ощущения физического самочувствия раскрывали полчаса иные горизонты образа. Самое интересное в творческой работе Владимира Ивановича, это тот процесс, который совершался в душе этого большого художника, те вскрытые внутренние пружины, которые раскрывали двери в внутренний мир образа. Научиться, суметь подметить процесс мышления в работе над образом, у Вл. И. это — самое дорогое, что может получить художник нашего театра. Исключительное дарование, такт и вкус прекрасного в искусстве Вл. И. Немирович-Данченко принадлежит исключительно ему, но пути и процессы зарождения творческих побудителей и отыскания подлинного в искусстве актера, это Вл. И. отдает нам, его ученикам, и мы можем держать научиться владеть этим искусством.

Мне хочется сказать несколько слов об эпизодальных переживаниях актера потому, что на мой взгляд это имеет огромное значение в работе. Когда-то Владимир Иванович сказал, что актер перед премьерой — это «нищий с протянутой рукой». Он решено ловит каждый случайно брошенный взгляд, прислушивается к каждому разговору, в глазах его можно прочесть просьбу одобрить его, он ждет признания рожденного им образа. К. С. и Вл. И. за всю свою деятельность в Художественном театре постоянно напоминали нам о создании творческой атмосферы на репетициях и на спектаклях, но, думаю, не ошибусь, если скажу, что не всегда мы осуществляем это. Этоистичность, эгоистичность, обида почти на каждое критическое замечание товарища по работе мешают росту индивидуальности артиста и развивают самолюбование и тем самым снижают творческие возможности актера. Что греха таить! Многие этим больны, и я в том числе наверное.

Награда правительства, общественный резонанс, огромный интерес зрителя к спектаклю «Анна Каренина» заставляют глубоко и серьезно задуматься над отношением актера к своему искусству, критически просмотреть свой пройденный путь и суметь удержать то ценное, что выявилось в результате работы театра за последние двадцать лет.

Я думаю, что пришла пора, когда необходимо просмотреть каждому из нас свой артистический путь, настало время быть бесконечно требовательным к себе. Необходимо всем нам, «второму поколению» Художественного театра, впитать огромную культуру блистательных предрассветов Художественного театра К. С. Станиславского и Вл. И. Немирович-Данченко и силу воздействия на творческую душу актера наших взумительных «стариков». Надо не отсеяться учиться всем нам, учиться всему, что может дать прекрасного Художественный театр. В этом жизнь, в этом сила нашего будущего. Растет новое, молодое советское поколение нашего театра.

Наш театр обязан выразить своей среде режиссеров, которые были бы достойны звания ленинского передового театра нашей страны. Не легкое это дело. Конечно, каждый работающий по режиссуре учится у «стариков» владеть искусством проникновения в самую сердцевину сложенных психологических движений образа. Режиссер нашего театра по своей природе — реалистический режиссер, и все, что от «лукаваго» отметается безжалостно, как ненужное. Угодя мелкому вкусу публики, режиссерская затейливость роля показа мастерства режиссера обычно ведет к внешнему, к формальному. Режиссер в итоге работы умирает так сказать в актере и в то же время вечно живет в спектакле, ибо мысленность, действие и жизнь в образе требуют большого искусства режиссера, который умеет подмечать самые сложные переживания человека.

Конечно, этим искусством второе поколение режиссеров нашего театра еще не овладело. Всему коллективу нашего театра надо помогать всеми силами растить в своей среде режиссера, который был бы достоин называться режиссером орденоносного театра.

Сегодня — праздник театра, большая творческая победа, и именно сегодня хочется говорить о крупном, об основном, о самых глубоких корнях нашего «второго рождения».

Надо пытливо вглядывать в будущее нашего театра.

В нашей советской среде выросли и растут прекрасные актеры и необходимо всем нам не бояться брать друг у друга лучшее и уметь нести прекрасное. Работа над «Карениной» замечательна для меня лично тем, что я, перебирая сыгранные мною роли, старался постичь свои творческие промахи и заблуждения и в творческом общении со своими ближайшими товарищами по работе, внимательно сидя, учился у них многому в работе над ролью и над самим собою. Самое основное — уверовать завоеванные позиции и, отбросив ложный стыд, еще внимательнее изучать работу каждого. Я со всей искренностью говорю о том, что я еще многим не обладаю в моей творческой работе; многое недоступно для моего понимания художника; многое старался постичь и научиться у моих товарищей артистов в работе. Признание моей работы над Карениным вселяет в меня чувство глубокого удовлетворения и вместе с тем чувство гордости за моих товарищей-сверстников по работе в Художественном театре. Среди них выдвинулась целая группа заключенных, крупных индивидуальностей, которым я не кисчом искренно творческим завидую, ибо полчас не обладаю [illegible] богатством, которое существует [illegible] замечательно [illegible] орденоносном Московском Художественном театре, которое [illegible] поколение «средних».